

О ПРИЧИНАХ, МИФОЛОГИЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ И ПОИСКАХ БЕЗОПАСНОСТИ

Традиционные «проклятые» вопросы российской интеллигенции – «кто виноват?» и «что делать?» – с известным допущением могут рассматриваться как разновидность более общих: «по какой причине?» и «что из этого следует?» (в скобках заметим, что первая формулировка имеет непосредственное отношение к такой категории, как функция, а вторая – к прогностике, независимо от сферы прогнозирования). Так возникает пресловутый вопрос о причинности и телеономизме, тревожащий научное сообщество всякий раз, как только под угрозой оказываются основания классического рационализма¹, – возникает в классической же формулировке П.С. Лапласа («Всякое имеющее место явление связано с предшествующим на основании того очевидного принципа, что оно не может возникнуть без производящей причины») и Г.В. Лейбница («Есть в природе порядок [Ratio], по которому предпочтительно существует нечто, а не ничто. Это следствие того великого принципа, в силу которого ничто не происходит без причины и должна быть причина, почему существует это, а не другое»²).

Большая советская энциклопедия определяет причинность как «генетическую связь между отдельными состояниями видов и форм материи в процессах её движения и развития». Процесс же – по П.А. Сорокину, – чтобы считаться таковым, должен иметь как «логическое подлежащее, единицу процесса», так и направление – во времени и в пространстве³. А значит, от сформировавшегося в эпоху Просвещения представления о причинности, оставившего от аристотелевского ее понимания лишь причину движения, придется, по-видимому, возвращаться к античности (по крайней мере, в том, что касается целевой причины и причины формы, точнее, если брать за основу греческий корень, морфологической причины). И что, как не генетическую связь явлений и процессов живой и «квазиживой»⁴ природы во времени и пространстве – а именно материальную, морфологическую и целевую причины – выявляют в своих статьях академики РАН А.А. Маракушев («Природа ассоциации соляных и нефтяных залежей», в соавторстве с доктором биологических наук С.А. Маракушевым) и Е.П. Челышев («У истоков отечественного Просвещения. Часть 1. Предшественники преобразовательной программы Петра I»), доктор исторических наук В.И. Дашичев («Война и мир в прошлом и ныне») и доктор философских наук Н.С. Федоркин («Лидирующая роль государства в формировании гражданского общества в переходных странах»), доктор геолого-минералогических наук В.Л. Сывороткин («Территориальный прогноз избыточных потоков ультрафиолетового излучения Солнца» и «Озоновый слой и погодные аномалии зимы 2011–2012 гг. в Северном полушарии» в рубрике «Климат-контроль»), доктор медицинских наук Р.М. Заславская («Хронофармакология и хрономедицина как новый методологический подход к оптимизации лечения», в соавторстве с кандидатом фармакологических наук Л.Б. Васьковой и аспиранткой Первого МГМУ им. И.М. Сеченова Ю.Р. Болсуновской), а также кандидат геолого-минералогических наук А.Е. Фёдоров («Влияние геологических факторов на психическое состояние людей в Европе»).

«Чтоб существовало зеркало мира, мир должен иметь форму», – утверждал главный герой романа У. Эко «Имя розы». И о чем, как не форме мира – познаваемого, обживаемого и преобразуемого человеком – размышляют на страницах очередного номера журнала его авторы.

О формах «первой природы» и эволюции этих форм (упомянутая выше статья А.А. и С.А. Маракушевых, «Старение: природа и механизмы» доктора биологических наук Н.Н. Мушкамбарова, «Эрозионные процессы в криолитозоне» доктора географических наук В.Л. Познанина и «Субмаринные талики восточной части шельфа моря Лаптевых» кандидата географических наук М.В. Касымской).

О формах «второй природы» – от рукотворных ландшафтов Англии («Происхождение английского пейзажного парка» вице-президента РАХ, академика Российской академии архитектуры и строительных наук Д.О. Швидковского) до социально-политических институтов и норм («Новая bipolarность мира: взаимоза-

¹ См., напр.: Причинность и телеономизм в современной естественно-научной парадигме / Отв. ред. Е.А. Мамчур, Ю.В. Скачков. М.: Наука, 2002; Гринченко С.Н. Системная память живого (как основа его метаэволюции и периодической структуры). М.: ИПИ РАН, Мир, 2004.; Бунге М. Причинность: Место принципа причинности в современной науке. Пер. с англ. / Общ. ред. и закл. ст. Г.С. Васецкого. Изд. 2-е. М.: Едиториал УРСС, 2010.

² Лейбниц Г.В. Порядок есть в природе // Лейбниц Г.В. Сочинения. В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1982. С. 234.

³ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного Ин-та, 2000. С. 80.

⁴ О Земле как «квазиживой» – саморегулирующейся – системе см.: Lovelock J. Gaia: A New Look at Life on Earth. 3rd ed. Oxford University Press, 2000; Сывороткин В.Л. Глубинная дегазация Земли и глобальные катастрофы. М.: ООО «Геоинформцентр», 2002. В таком же смысле возможно применение термина «квазиживой» и к социальным организмам (см., напр.: Семёнов Ю. И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М.: Современные тетради, 2003).

висимость вместо противостояния» доктора философских наук И.И. Антоновича и упомянутая выше статья Н.С. Федоркина, «Структура мирового господства» доктора политических наук Н.А. Комлевой и «"Железная пята ТНК": глобализация, война и мир третьего тысячелетия» кандидата политических наук А.И. Владимирова, «Молодёжная политика в процессе формирования ценностных ориентаций современной российской молодёжи» кандидата социологических наук С.О. Елишева, «Время зарождения основ военного судопроизводства на пространстве "вся Руси"» кандидата юридических наук О.В. Григорьева «Временной фактор и права человека: темпоральный аспект правовой реальности» аспирантки Университета МВД России Е.Г. Войде).

О когнитивных формах – «Онтология Г.В. Лейбница: целостный взгляд с позиций современной философии и науки» доктора философских наук В.К. Батурина, «Имяславие и платонизм в творчестве А.Ф. Лосева» доктора философских наук С.А. Нижникова, вторая часть его опубликованной в предыдущем номере нашего журнала статьи «Философия имени в России: становление и современная дискуссия», «Миф о статье Н.И. Пирогова "Идеал женщины"» научного сотрудника ИЭМ СО РАН М.Д. Ветровой, «Концепция безопасности в русской социологии XIX–XX вв. (обзор)» кандидата социологических наук Е.Н. Соломатиной.

Появление последней не случайно – по сложившейся уже традиции проблему безопасности из номера в номер так или иначе поднимает большая часть авторов журнала. И в новом номере это не только концептуальная работа доктора философских наук Э.П. Литвинова «Философские основы концепции безопасности» и материалы, посвященные отдельным видам безопасности, все более актуализирующимся в современном мире – религиозной («Диалог мировых религий как важнейшее условие обеспечения национальной безопасности» доктора философских наук В.М. Шевцова) и информационной («Обеспечение детской безопасности в Интернете: российский опыт и зарубежные инициативы» студентки 4 курса Одинцовского гуманитарного института Н.И. Хохловой; заметим, что это вторая статья номера, посвященная проблемам детей и юношества), – пограничной («Философские и методологические аспекты системы управления качеством охраны государственной границы» доктора философских наук В.А. Бондаренко).

Очевидно, что практически все упомянутые выше материалы номера могут рассматриваться как непосредственно посвященные тем или иным аспектам безопасности. Очевидно и то, что нынешнее определение безопасности в нормативных документах не удовлетворяет ни научное сообщество, ни практиков. Между тем факторов угроз в глобализирующемся мире становится все больше – не в последнюю очередь и вследствие когнитивного диссонанса¹, возникающего в условиях повышенной агрессивности информационной среды общества постмодерна. Так не логично ли было бы говорить о безопасности в терминах адаптации и коэволюции (Н.Н. Моисеев), рассматривая ее в свете той самой «генетической связи между отдельными состояниями видов и форм материи в процессах её движения и развития»? Может быть, в этом случае нам удастся преодолеть методологическую ловушку, возникающую при рассмотрении безопасности как «состояния защищённости ... от потенциально и реально существующих угроз», тем более «отсутствия таких угроз», – ловушку «конца истории», которая уходит своими корнями в мифологию, в сказку, которая всегда «кончается констатацией наступившего "отсутствия" событий: благополучием, смертью, свадьбой, пиром... Заключительное благополучие – это конец сказочного времени»². В самом деле, возможности мифологии устанавливать и, главное, объяснять всеобщую причинность значительно выше, чем у позитивной науки, поскольку миф, в отличие от последней, является собственно объяснительным принципом³ и тем в большей степени облегчает создание целостной картины мира в рамках мифологической парадигмы, что «если по части анализа мифологическое мышление неизмеримо уступало научному, то по части синтеза оно столь же неизмеримо превосходило его»⁴.

Впрочем, как известно, мифологичность является основой не только политического (и геополитического) дискурса, – еще древние греки небезосновательно почитали покровительницу истории Клио как музу, видя в истории именно вид искусства, чему за последующие тысячелетия накопилось множество подтверждений, в том числе касающихся и истории науки (яркой иллюстрацией чего является материал М.Д. Ветровой). В эпоху же постмодерна то, что сегодня мы называем позитивной наукой, и вовсе не столько разоблачает мифы, сколько создает новую мифологию. Есть, однако, сказки, разоблачать которые не хочется – да и невозможно, даже если обратиться до их социокультурных корней («Герои русских народных сказок: кто они и почему ведут себя так, а не иначе?» А.С. Штемберга). Не потому ли (особенно если следовать логике упомянутого выше материала А.Е. Фёдорова), что именно в этих сказках находит свое мифопоэтическое выражение аристотелевская мифологическая идея... И потому, быть может, именно в этих, в народных сказках не лишним было бы сегодня поискать хорошо зарекомендовавшие себя модели «устойчивого» – способного к адаптации и потому безопасного – развития общества.

**О.Н. Тынянова,
главный редактор**

¹ Подробнее см.: Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. Пер. с англ. СПб.: Ювента, 1999.

² Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1967. С. 218.

³ Косарев А. Философия мифа: Мифология и ее эвристическая значимость: Учебное пособие для вузов. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 93.

⁴ Там же. С. 88.